

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Оскар Скейя

**ВЫЖИТЬ
ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ**

**НЕМЕЦКИЙ ПЕХОТИНЕЦ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

1941–1945

За линией фронта. Мемуары

Оскар Скейя

**Выжить любой ценой.
Немецкий пехотинец на
Восточном фронте. 1941—1945**

«Центрполиграф»

2014

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Скейя О.

Выжить любой ценой. Немецкий пехотинец на Восточном фронте. 1941—1945 / О. Скейя — «Центрполиграф», 2014 — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-227-07234-4

Немецкий пехотинец описывает путь, пройденный им по дорогам войны с момента переправы войск вермахта через Западный Буг из Польши на территорию России в 1941 г. Автор подробно рассказывает о тяжелых боях под Киевом, Харьковом, Днепропетровском, о том, как, отступая, части немецких войск сжигали мосты, города и деревни. В октябре 1943 г. советские солдаты захватили Скейю в плен. Он совершил побег, и с этого дня начались его скитания в тылу советских войск. Однако ум, хорошее образование, хитрость и находчивость немецкого пехотинца помогли ему не только выжить, но даже вызвать доверие руководства лагеря, когда он снова попал в плен. Много лет спустя после войны дневник Оскара Скейи попал в руки его родственника, Дана Чиарелло, который обработал и подготовил текст к публикации.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-227-07234-4

© Скейя О., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	11
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Оскар Скейя. Литературная
запись Дана Чиарелло
Выжить любой ценой. Немецкий
пехотинец на Восточном фронте**

Книга посвящается моей большой семье, разбросанной по всему земному шару. У каждого из ее членов своя история. Это часть моей попытки найти их всех и сохранить их воспоминания, что поможет мне обогатить понимание того, кто есть я сам.

Oskar Scheja
As told by Dan Chiariello

THE MAN IN THE BLACK FUR COAT

Предисловие

Я звал его дядей Оскаром, хотя на самом деле он не был мне дядей. Оскар жил с теткой моей матери, Хедвиг, которую мы звали тетя Хеди. Они встретились в середине 1950-х и почти сразу же стали жить вместе, прожили вдвоем до конца жизни, но никогда не были женаты. Имею ли я на самом деле право считать его своим дядей? Я привык звать его так всегда и буду называть его так в этой истории.

Моя мать родилась в 1940 году в Гельзенкирхене, немецком городе в промышленном Руре (Северный Рейн-Вестфалия). Она росла в разрываемой войной Европе. Маму растили ее мать Иоганна, ее отец Маттиас и ее тетка Хеди. Хеди была очень близка со своей сестрой Иоганной. Она стала для моей мамы второй матерью. Какое-то недолгое время Хеди была замужем за человеком по имени Вальтер, о котором я почти ничего не знаю. Не знаю я и о том, как он выпал из общей картины. В начале 1950-х годов Хеди выехала из Германии в Америку, где поселилась неподалеку от Ньюарка, штат Нью-Джерси. Там в клубе общества немецких граждан, живущих в США, она познакомилась с Оскаром, и они стали жить вместе. Через несколько лет они переехали в квартиру в Бриджпорте, штат Коннектикут. Здесь они прожили много лет, прежде чем в начале 1970-х вернулись в Германию. Хеди и Оскар поселились в небольшом городке под названием Фехта на северо-западе страны (около 60 километров юго-западнее Бремена). Местность здесь была равнинной, изобиловавшей верховыми болотами, покрытыми ковром из сфагновых мхов, под которым располагались торфяники, а также многочисленными пастбищами. Во многих поселках этого района лошадей и коров было больше, чем проживало людей.

К тому времени моя бабушка, после ухода из жизни деда, жила в Гельзенкирхене одна. Вскоре и она переехала в свою собственную небольшую квартирку в Фехте, чтобы быть поближе к сестре. Там они и провели остаток своих дней.

Моя мама в начале 1960-х годов переехала в Штаты, где остановилась у своей тетки в Нью-Джерси. Там она вскоре познакомилась с моим отцом. Я родился в Нью-Джерси в 1964 году, вскоре здесь же родились и двое моих братьев. Моя мама была очень близка со своей теткой и после того, как Хеди с Оскаром переехали в Бриджпорт. Время от времени наша семья навещала их в Коннектикуте. Дядя Оскар всегда был на месте, но, как мне запомнилось, он предпочитал сливаться с окружающей обстановкой. Он был всегда спокоен и лучше всего подходил под описание мужчины с большим чувством собственного достоинства. Можно было догадаться, что в более молодом возрасте это был человек большой силы и крепости, но после того, как он разменял шестой десяток, эта крепость постепенно таяла, и теперь ему больше подходило определение «тучный». В его редких волосах причудливо смешались черные и седые пряди. Глаза он постоянно держал полуприкрытыми, что придавало его лицу отчужденное выражение. Я редко видел его смеющимся, даже когда он пребывал в хорошем настроении. Вспоминая прошлое, я вижу его в своем воображении в красном пиджаке, восседающим на хозяйском месте в гостиной с безукоризненно прямой спиной и с зажатой во рту сигарой «Белая сова». Его кресло стояло у радиоприемника, и это был вовсе не небольшой переносной портативный аппарат, а нечто напоминающее предмет мебели размером с платяной шкаф. Он мог слушать радио часами. Звук всегда был убавлен настолько, что мне не удавалось разобрать, слушает ли он музыку или речь. Этот уголок в доме принадлежал дяде. Приезжая в гости, мы всегда старались не беспокоить его, не потому, что нас так инструктировали, а потому, что чувствовали: этот человек нуждается в собственном личном пространстве. Время от времени с другого края комнаты, рядом с кухней, где моя мама и тетка разговаривали за чашкой кофе с кусочком сухого «мраморного» торта, до него доносилось: «Не так ли, Оскар?» – и он обычно переспрашивал: «Was sagt ihr?» («Что они сказали?»). И тогда

одна из женщин повторяла вопрос по-немецки. Дядя Оскар участвовал в разговоре, бросая реплики размеренным командным тоном, как будто в них содержалось нечто, имеющее в высшей степени важное значение. Такие громкие фразы на иностранном языке заставляли нас с братом отвлекаться от своих занятий, которыми мы были увлечены. Оскар бросал в нашу сторону короткий взгляд, быстро подмигивал или скупно улыбался, перед тем как снова нырнуть в свое кресло у радиоприемника. Мы не понимали, что он сказал, но сознавали, что он был горд своими высказываниями.

Когда мне было 13 лет, наша семья на два года переехала в Фехту в Германии. Наши родители хотели дать нам с братьями возможность познакомиться с другой культурой, а также поближе сойтись с семьей моей матери. Мы арендовали средний из недавно построенных трех соединенных друг с другом домиков по соседству со множеством отдельных и многоквартирных зданий, расположенных строго в геометрическом порядке через крошечные интервалы. Такой вид открывался от парадного входа в наш дом. Выйдя через заднюю дверь на кухне, можно было попасть прямо на пастбище, где паслись коровы. Слева за рядом домов на нашей улице располагалось поле с капустой кольраби, а правее коровьего пастбища фермеры выращивали озимую пшеницу.

Хеди и Оскар жили чуть дальше, на одной с нами улице, но через несколько месяцев после нашего приезда переселились в соседний дом. Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что это было бы для меня хорошей возможностью узнать Оскара поближе, но почему-то этого не произошло. Мои дни были заполнены школой, новыми друзьями, ездой на велосипеде, игрой в футбол с соседскими мальчишками, одним словом, всем тем, чем занимаются дети в 13 лет. Я довольно часто виделся с Оскаром, так как он и тетя Хеди периодически обедали с нами за одним столом, но он был все так же молчалив и полон достоинства.

В распорядок дня Оскара входила ежедневная прогулка. В редких случаях я сопровождал его. Он вышагивал с тростью в руках так, что создавалось впечатление, будто не обошлось без профессионального хореографа. Процесс состоял из четырех этапов: трость отставляется назад, затем молниеносно выбрасывается вперед, затем прочно утыкается в землю и удерживается в этом положении до следующего шага. Эта походка являла пример его подхода к совершению любого действия: порядок и дисциплина. Он говорил очень мало. Наши разговоры обычно ограничивались обсуждением того, как стремительно меняется все вокруг. Через два года мы уехали из Германии и вернулись в свой дом в Нью-Джерси. Вскоре после этого Оскар отошел в мир иной.

После смерти Оскара Хеди много лет жила в квартире одна. Она умерла в 1990 году. Мама полетела в Германию, чтобы уладить дела Хеди, и, вернувшись оттуда, передала мне несколько предметов, предназначенных для меня. Там были фотографии, коллекция почтовых открыток и старый блокнот с более чем сотней исписанных страниц. В блокноте стояла подпись «Оскар Скейя», и я понял, что это его личный дневник, описывающий то, что происходило с ним во время Второй мировой войны.

Строчки дневника были все еще ясно различимы, а страницы выглядели настолько белыми, что трудно было поверить в то, что на первой проставлена дата «10 февраля 1946 г.». Переплет был цел, и ни одна страница не вырвана. Блокнот выглядел так, будто его почти не открывали. Я был уверен, что он содержит в себе увлекательную историю. Существовало семейное предание, согласно которому дядя Оскар участвовал в боевых действиях на Восточном фронте, был захвачен русскими в плен, а затем бежал из лагеря для военнопленных. Мне очень хотелось когда-нибудь прочитать дневник. В этом мне виделся мой долг перед Оскаром, который так аккуратно вел записи и так бережно хранил их. Я сделал несколько попыток прочесть дневник, но каждый раз меня хватало лишь на несколько первых слов. Препятствием был не язык, а то, что я никак не мог разобрать почерк. Дело в том, что записи были сделаны старыми немецкими буквами. Позже я узнал, что этот тип письма называется Sutterlin (шрифт

Зюттерлина, или готический курсив. – *Пер.*). Многие буквы были мне неизвестны. Даже моя мать, которая выросла в Германии, не могла прочитать дневник, как и учителя, обучавшие моего сына немецкому. Все шло к тому, что дневник останется просто семейным артефактом. Он пролежал нетронутым в шкафу в нашем подвале почти двадцать лет. Его страницы так и оставались белыми, а история непрочитанной и не оцененной читателем.

Судьба дневника изменилась несколько лет назад, когда мы с женой стали проявлять все больший интерес к нашей коллекции семейных фотографий. Нам удалось отсортировать их и отпечатать отдельными альбомами с помощью цифровой камеры. Затем мы занялись систематизацией наших цифровых фото, отсканировали снимки и собрали их в один общий каталог. Этими снимками мы пользовались для составления альбомов за каждый конкретный год. В альбомах содержались не только снимки, но и другие события, относившиеся к данному году, такие как рассказы, школьные сочинения, корешки билетов и другие памятные вещи. Мы начали с настоящего и постепенно двигались назад во времени. В конце концов мы надеялись создать полный оцифрованный печатный архив нашей жизни с фотографиями и семейными рассказами.

Примерно в это время моя мама переехала из своего дома и увидела возможность избавиться от нескольких больших коробок с семейными фотографиями, что занимали много места в подвале. Воспользовавшись моим вновь открытым увлечением семейными артефактами, она пригрозила мне, что просто выбросит все это, после чего я решился действовать и забрал большую часть этих снимков. Моему отцу нравилось покупать фотоаппараты, и он любил фотографировать. Накопилось несколько тысяч снимков, относившихся к 1940-м годам. Некоторые лица моих теток, дядьев, двоюродных братьев и сестер были мне знакомы, но многие другие – нет. Моего отца уже не было в живых, и он не мог помочь мне узнать лица людей и запечатленные на снимках события. Вскоре я понял, что должен сменить курс на противоположный и начать со старых фотографий, пока еще живы люди, которые могли бы мне с этим помочь.

Я не просто сканировал старые фото и помечал их ярлыками, но по мере возможности продолжал работу со старыми артефактами. Сюда относилось собрание стихов моего отца, оцифрованные фильмы с восьмимиллиметровой пленки, аудиозаписи с катушек, а также дневник, посвященный поездке отца в Европу в 1957 году. Я был полон решимости создать долговременную сокровищницу для своих детей, чтобы дать им возможность, посмотрев эту коллекцию, узнать настоящую историю своей семьи.

Объем работ был настолько огромным, что воплощение проекта должно было занять многие годы. Я относился к этому занятию как к хобби, чему-то такому, чем мне нравилось заниматься в свободное время. Пользуясь несколькими свободными часами в воскресные дни, я имел возможность отсканировать кучу фотографий и разместить их в своей базе данных. Это был простой труд, который я мог начать и прервать в любое время. Однако дневник Оскара – совсем другое дело. Для того чтобы взяться за этот проект, мне пришлось бы выучить новый алфавит, прочитать более сотни страниц текста, осмыслить его и изложить в современной орфографии. Его нужно было снять с полки. У кого есть на это время? Только не у меня.

В конце 2012 года мне предложили работу консультанта на Манхэттене. Жить на северо-западе Нью-Джерси и каждый день совершать поездку на Манхэттен и обратно само по себе уже является работой. Сначала нужно было 20 минут добираться до железнодорожного вокзала, а затем еще полтора часа сидеть в поезде. Я принял предложение, но эти поездки внушали мне ужас. Никогда прежде мне не приходилось сидеть на одном месте, ничего не делая столь продолжительное время. Чем мне занять себя во время этих долгих поездок? Я мог бы дремать или читать книгу, как это делали все пассажиры вокруг, но что мне это даст?

И тогда я вспомнил о тетради, которую всегда мечтал прочитать, но на что у меня никогда не находилось времени. Я понял, что смогу превратить эти поездки во что-то полезное. Эта

работа дает мне возможность, которой я был лишен в течение более чем 20 лет. Я стал изучать образцы различных немецких шрифтов и отсканировал страницы дневника Оскара. Буква за буквой я собирал каждое слово. Это была сложная и кропотливая работа. Была ли эта буква J? Нет. Тогда F? Может быть. Возможно, мне поможет следующая буква. Так происходило с каждым словом. На то, чтобы одолеть первую страницу, мне потребовалась неделя. О некоторые слова мне приходилось запинаться, так как я обнаружил, что Оскар не в ладу с правописанием. Время от времени я находил грамматические ошибки, которые еще больше усложняли работу.

Наконец я одолел первую страницу и через неделю стал уже лучше справляться с прочтением текста. Сначала за день мне удавалось прочитывать одну страницу, потом две. В моем переносном компьютере в одном окне я открывал отсканированный дневник, а в другом – новый документ. Я входил в документ, открывал функцию «Вид документа» и делил страницу на две колонки. Я читал предложение из дневника, переходил в новый документ, записывал его по-немецки с левой стороны и в правой колонке давал английский перевод. Затем повторял ту же процедуру со следующим предложением. Наконец-то я был на пути к тому, чтобы выполнить эту работу.

Каждое утро я ждал этого путешествия, ждал, что смогу продолжить захватывающий процесс и узнать, что же произошло с моим героем дальше. Поездки на работу стали для меня лучшей частью дня. Это было больше чем просто чтение рассказа, так как я не мог просто читать дневник. Мне приходилось работать над ним и постепенно, с каждым очередным словом, приобретать новые навыки. Закончив, я понял, что нашел нечто гораздо более ценное, чем просто часть истории моей семьи. Это была капсула времени, рассказ о событиях Второй мировой войны от немецкого солдата, которым тот никогда и ни с кем не делился. Здесь описывались некоторые бои на Восточном фронте, условия содержания в русских военных тюрьмах, а также послевоенная борьба, которую вели немецкие семьи в Нижней Силезии, перешедшей под власть правительства Польши. Это рассказ, которым я должен поделиться, привнеся свой голос в общий хор, создающий полное повествование о событиях той войны.

С течением времени я обратился за помощью к нескольким коллегам, которые сумели перевести некоторые русские выражения, которыми Оскар приправлял свою историю. Одна из коллег рассказала мне, что родилась в украинском городе Днепрпетровске, в котором происходит часть событий, описанных в дневнике. Я поинтересовался, знакомы ли ей какие-либо из описанных мест. Во время нашего разговора она рассказала мне о страданиях ее собственной семьи во время войны, когда они бежали из города со многими другими евреями и нашли убежище в таких местах, как Сибирь или Узбекистан. Для меня стало удивительным открытием, что до сих пор живы миллионы людей, которые могут рассказать о том времени поразительные истории, истории о храбрости, лишениях, стойкости и тяжелых утратах. Каждая из них подобна звездам на небе, что сама по себе мерцает прекрасным светом и одновременно является частью неисчерпаемой коллекции, любой из предметов которой достоин нашего внимания.

Я хочу воспользоваться этой возможностью и для того, чтобы узнать тех других, которые воодушевляли нашего героя и помогали ему. Я благодарен Оскару и за то, что он вел записи о том, что с ним происходило, и сохранил их для будущих поколений. Я благодарю мою мать за то, что она сберегла дневник Оскара, за то, что привезла его с собой, чтобы порадовать меня. И более всего я благодарен моей супруге Лайзе, сыновьям Дэвиду и Джереду. Я с благоговением отношусь к их творческим способностям, блестящему воображению, умению четко и порой забавно выражать мысли. Лайза в колледже специализировалась на английском языке. Дэвид – художник и писатель. Джеред только поступил в среднюю школу, но уже становится ярким рассказчиком, не жалеющим красок, обладающим собственным стилем и воображением. В отличие от них, я изучал математику и трудился на уровне техники. В данном случае я представляю собой их полную творческую противоположность. Я благодарен им всем за то, что они

продемонстрировали мне достойный уровень таланта художника, что значительно украсило данный проект.

Эти записи о том большом опыте моего дяди помогут нам лучше понять события, происходившие во время Второй мировой войны на Восточном фронте. Больше всего я надеюсь, что данный рассказ поможет и вам, читатель, обновить свой интерес к истории вашей собственной семьи. Слушайте рассказы. Записывайте их. Не давайте их потерять или забыть. Делитесь ими с вашими детьми, племянниками, двоюродными братьями и сестрами. Дайте и им возможность обогатить свою жизнь. Лицо на этой старой фотографии из ящика из-под обуви – это не просто ваш старый родственник, которого вы едва знали в детстве. За этим лицом стоят множество лет и событий. И если вы посмотрите внимательнее, то узнаете, что такое благодарность, когда придет время для того, чтобы запомнили и вас самого.

Дан Чиарелло

Глава 1

Приказ выступить

Сегодня 10 февраля 1946 года. Последние несколько месяцев я провел прячась. Через небольшое окно проникают последние лучи зимнего солнечного света, дающие мне возможность рассмотреть тесное пространство моего убежища, где я скрываюсь от холода и любопытных глаз. По всем углам высокими штабелями сложены ящики. Для меня остается совсем немного места, его достаточно только для того, чтобы лечь и вытянуть ноги. Мой желудок пуст уже так долго, что он уже больше не урчит, требуя от меня внимания, но я все же хотел бы наполнить его хоть чем-то. Я знаю, что мне нужно немного поспать, но не могу отвлечься от мыслей о жене и нашем мальчике. Я говорю себе, что пока находятся от меня далеко, они в безопасности. Я нахожусь на другом краю города, в месте, что называется Бад-Кудова¹, прямо у границы с Чехословакией. Я довольно далеко от них, но все же достаточно близко, чтобы время от времени, когда мне удастся раздобыть немного еды, приносить им ее. Я прихожу туда невидимый под покровом ночи и быстро ухожу обратно. Когда-то мои родители жили здесь, в Бад-Кудове, в прекрасном доме на опушке величественного леса. В обозримом будущем ни они, ни я не вернемся сюда.

Сегодня мне повезло, и у меня есть крыша над головой в доме, на который, я надеюсь, никто не станет обращать внимание. Я благодарен женщине с верхнего этажа за то, что мне позволили здесь остаться. Она не знает, кто я такой, а я не знаю ее. На самом деле я даже не запомнил, как ее зовут. Днем я стараюсь быть полезным, помогая по дому или работая в саду. Иногда мне везет, и удается найти работу, за которую получаю несколько злотых. Я отдаю сколько могу хозяйке дома, а остальное идет в оплату за еду, за то малое, что здесь можно купить. Большую же часть дней мне нечего делать, кроме как прятаться, испытывая чувство тревоги.

Как изменилась моя жизнь за последние годы! Я провел много времени и затратил много сил, чтобы остаться невидимым и неузнанным, но я хотел бы, чтобы люди узнали, кто я такой. Мне пришлось испытать невероятные приключения, и эта история заслуживает того, чтобы рассказать о ней. Та женщина дала мне чистую тетрадь и ручку. У меня еще есть пара часов светлого времени, и сегодня я никуда не собираюсь идти.

Все это началось для меня в ранние утренние часы 22 июня 1941 года. Я состоял в 5-й роте 2-го батальона 525-го пехотного полка 298-й пехотной дивизии армии Германии. Вот уже несколько недель мы стояли лагерем у реки Буг (Западный Буг) в городе Хрубешув. Это была грозная сила, и все мы знали, для чего находимся здесь. Русские тоже знали об этом². Они развернулись на другом берегу реки и не спускали с нас глаз. В четыре часа утра меня вдруг разбудило движение в нашей палатке. Солдаты говорили, что командир приказал нашему подразделению собраться на открытой площадке, где проходила наша строевая подготовка³. Строем мы проследовали туда. Для такой большой массы людей мы создавали очень мало шума, отчасти оттого, что были злы на то, что нас так рано выдернули из кроватей, но больше от предвкушения новостей, которых все давно ждали.

Командир шагнул в центр группы и объявил, что пришло время начать движение на восток, на русскую территорию. Я, как и все остальные, с нетерпением ждал этого дня, но,

¹ Ныне Кудова-Здруй в Польше, Нижнесилезское воеводство. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² К сожалению, советское командование знало далеко не все, о чем знали немцы, и нападение (без объявления войны) оказалось внезапным, о чем далее и у автора.

³ Немцы начали артподготовку в 3 часа 15 минут, в 3:40 – налеты пикирующих бомбардировщиков, в 4:15 началась переправа через Буг (Западный Буг) передовых частей.

услышав эти слова, застыл на месте. Я бросил быстрый взгляд на солдата, стоявшего рядом, но тот не отрывал взгляда от нашего командира. Его лицо было бесстрастным, но я знал, о чем он думает. Впереди нас ждало много тяжелой работы. Территория России обширна, а ее армия огромна, но все мы верили в себя и были готовы начать.

Наша дивизия быстро развернулась к бою. Мы были достаточно опытны и хорошо подготовлены, о чем свидетельствовало то, как методично мы приготовили оружие и отправились на позиции. Вскоре пришел приказ, и тишину только что наступившего рассвета нарушили звуки первых разрывов. Я стоял неподвижно и внимательно смотрел на восток, туда, куда были направлены стволы наших орудий. Колеса закрутились, и началось приключение, из которого не было пути назад. Артиллерийский обстрел длился примерно полчаса. Все это время мы почти не говорили. Когда орудия замолчали, наступила довольно продолжительная пауза, а потом поступил приказ о том, что пришла и наша очередь.

Мы рванулись через Буг (Западный Буг) к городу Устилуг на восточном берегу реки. Там стояли русские войска, и мы должны были атаковать их. Мы стремительно продвигались через поля к позициям врага и оповестили противника о своем появлении градом пуль. Поскольку ожидаемого сопротивления не последовало, темпы нашего продвижения ускорились. Мы не обнаружили здесь русской артиллерии, которой поставили бы задачу противостоять нашему наступлению, а нашли лишь отдельные оборонительные позиции. Русские солдаты массово убегали из мест развертывания в одном нижнем белье. Многих пристрелили на бегу, еще больше сдалось в плен.

То, что мы взяли город практически без боя, подтвердило эффективность огня нашей артиллерии. Бой быстро закончился, мы выполнили поставленную задачу. Моя дивизия захватила первых пленных, и я вместе с другими товарищами из нашего батальона повел пленных обратно через Буг (Западный Буг) в лагерь, который мы подготовили для них заранее, так как были уверены в успехе. Когда мы подходили к реке, по нас впервые открыли огонь укрывшиеся в лесистой местности русские солдаты. И пусть перестрелка быстро прекратилась, наша рота понесла свои первые потери в той войне. К счастью, после короткой контратаки нам удалось спасти шестерых раненых солдат и перенести их в безопасное место в наш лагерь на западном берегу Буга около города Хрубешув. В Хрубешуве части нашей дивизии перегруппировались, но мы не долго там оставались. Мы привели в порядок технику, оружие, развернулись и снова отправились через реку, совершая бросок в глубь русской территории. Следующим городом на нашем пути, всего в нескольких километрах восточнее Устилуга, был Владимир-Волынский. Прежде чем мы бросились штурмовать город, наступление и на этот раз началось с мощного артиллерийского обстрела. В тот день мы понесли больше потерь, так как на этот раз нам не удалось так же легко застать русских врасплох. Но несмотря на то что число погибших и раненых возросло, мы все же захватили город без особого труда. Война началась хорошо, но мы знали, что перед нами стоят гораздо более грандиозные задачи, в частности захват столицы Украинской ССР Киева. Это потребует гораздо больших сил.

До Киева нам предстоял долгий путь на восток. На пути мы не сталкивались со значительным сопротивлением, так как русские быстро отступали, чтобы создать у Киева оборонительный рубеж⁴. Мы вышли на окраины города, и в течение следующих шести дней готовились к предстоящему сражению. Прямо перед тем, как пришел приказ наступать на город, мы получили пополнение на смену убитым и раненым солдатам, а также дополнительное количество оружия и боеприпасов. Немецкая армия образовала кольцо вокруг столицы Украин-

⁴ Автор ничего не пишет о тяжелых боях, в которые была втянута немецкая группировка (прежде всего 1-я танковая группа) на этом направлении, в частности контрударах советских механизированных корпусов, в результате чего с 23 по 29 июня в районе Луцк – Радехов – Броды – Ровно развернулось встречное танковое сражение. На ближние подступы к Киеву (25–20 километров от города) 1-я танковая группа вышла только 11 июля, захватив 9 июля Житомир и пройдя за два дня 110 километров. Но немцы были остановлены, и борьба за город продолжалась.

ской ССР, чтобы отрезать русские войска внутри города и запереть их там перед сражением. Наша дивизия начала наступление на Киев с севера, через город Борисполь⁵. Как только Киев был окружен, мы начали разрушать оборону русских непрерывным артиллерийским огнем, а потом устремились в город. Командир дивизии определил в качестве важной цели первого этапа наступления радиостанцию, и приказ на овладение этим объектом был отдан нашему батальону. Мы справились с задачей и захватили радиостанцию. Вскоре немецкие войска одолели противника, и оборона города пала. Киев был наш.

В августе дивизия получила новый приказ⁶. Мы должны были отправиться из Киева к городу Полтаве⁷. Перед тем как выполнить его, нашей роте было предоставлено пять дней отдыха от боев для приведения в порядок. Во время отдыха командир огласил данные о потерях, которые были очень высоки. Мы потеряли 6 унтер-офицеров, фельдфебеля и 18 солдат. Несколько человек было ранено. Количество личного состава в роте уменьшилось со 180 до 123 человек. Командир дивизии подготовил данные о потерях во всей 298-й дивизии. В своем донесении он указывал, что дивизия нуждается в пополнении личным составом, оружием и техникой. Последними словами в донесении были: «Как только дивизия восстановит свой боевой состав, она должна будет двигаться дальше». В общем, мы знали, что все обстояло не совсем гладко.

Предоставленные нам после победы под Киевом пять дней пронеслись очень быстро. Нам поступил новый приказ – двигаться в направлении на город Балаклея, расположенный в 120 километрах юго-восточнее города Харькова⁸. По дороге мы сделали остановку и встали лагерем в городе Чугуеве, на реке Северский Донец. Там мы занимали позиции 11 и 12 декабря 1941 года. Этот городок служил местом последнего рубежа в случае нашего отступления, если бы в этом была необходимость. 12 декабря нам поступил новый приказ: теперь нам предстояло двигаться вместо прежнего направления в город Изюм, который лежал южнее Балаклеи на реке Северский Донец. Мы выступили немедленно. Через несколько дней мы вошли в Изюм и обнаружили, что русские войска были там прежде нас, но потом ушли оттуда. Было видно, как тщательно русские разграбили город⁹. Не встретив сопротивления, мы разместились здесь на рождественские праздники.

24 декабря во время празднования Рождества колокольный звон потонул в разрывах огня артиллерии. Русские попытались застать нас врасплох и прорвать наши позиции. Они обстреливали город всю ночь, но так и не смогли выбить нас с наших позиций. Наша оборона в городе выстояла, и русские в конце концов отступили.

28 декабря 3-й батальон сменил на позициях наш 2-й батальон, и мы получили возможность отдохнуть от боев. 3-й батальон остался в Изюме с задачей удерживать город, а нам разрешили отойти западнее, на территорию, удерживаемую немецкими войсками для отдыха и перегруппировки. Мы прошли маршем несколько километров на запад, вдоль реки, к поселку Петровское, где должны были остановиться для кратковременного отдыха. Больше всего на свете мы тогда мечтали помыться. Грязны были как мы сами, так и наше обмундирование. После жизни в окопах и стычек с противником мы все страдали от того, что были покрыты бесчисленными вшами. Куда бы ты ни протянул руку, повсюду, сжав кулак, можно было поймать несколько этих насекомых. К нашему несчастью, не успели мы отдать наши пожитки в чистку, как нам приказали снова собраться и начать движение.

⁵ Борисполь находится к востоку от Киева.

⁶ Киев был оставлен советскими войсками только 19 сентября.

⁷ Полтаву немцы взяли 18 сентября.

⁸ Автор не пишет, что Харьков был немцами взят 25 октября после пяти дней жестоких уличных боев, стоивших 6-й армии немцев тяжелых потерь.

⁹ В период после взятия немцами Харькова этот район был ареной тяжелых боев. В районе Изюма фронт стабилизировался 28 октября.

Русские угрожали прорвать нашу оборону в городе Изюм. Наш батальон двигался на запад, в направлении от города. К 13 января 1942 года русские собрали прямо за городом огромные массы солдат и танков. Они прорывались через наши позиции, а их танки преодолевали заградительный огонь нашей артиллерии. У нас не было сил сдержать их, поэтому мы сдали Изюм русским и отошли. Наши войска откатились назад за реку Северский Донец. Это стало для нас первым отступлением во время той войны¹⁰.

Мы развернулись на юг, чтобы отступить через Барвенково к городу Павлограду. Последний бой с русскими войсками был тяжелым и поставил на грань существования всю дивизию. Командиры определили в качестве пункта сбора для 298-й дивизии центр города, и встревоженные солдаты устремились к главной площади на назначенное место. Нас группами распределяли по ротам и батальонам. Передышка между боями оказалась очень короткой. Не успели мы ничего понять, как нас снова развернули и заставили совершить обратный марш в 20 километров в сторону Барвенкова, где в тот момент проходила линия фронта.

После того как мы восстановили линию фронта в Барвенкове¹¹, мы с удивлением узнали, что 2-й батальон передали в румынскую дивизию. Мы посмеивались про себя, когда видели румын. Их головные уборы смотрелись очень смешно. Но все же они воевали на нашей стороне, и мы старались вести себя с ними как можно вежливее.

Командира нашего батальона звали Курт Шилле. Подчиненные его уважали, как храброго командира и хорошего тактика. Прошлое его тоже было интересным. В сентябре 1939 года, во время Польской кампании, он был унтер-офицером. Там он продемонстрировал хорошие навыки тактика и командира. В 1942 году его отозвали в Берлин, где вручили Рыцарский крест с дубовыми листьями и повысили в звании до капитана. Мы гордились тем, что служим с ним вместе.

Снова началась перетасовка наших задач. 2-й батальон забрали из румынской дивизии и заменили его другим, из прежней дивизии. Мы получили пополнение, и количество личного состава в нашей роте выросло от 41 до 120 солдат. Теперь мы снова были готовы идти в бой.

Нашей новой задачей стало обеспечение прикрытия наших разведывательных групп, когда они переходили линию фронта и углублялись на территорию, занятую русскими, чтобы вернуться с разведывательными данными. Разведчиков отправляли для наблюдения за передвижениями русских войск в глубине их территории и уточнения, не направляют ли через реку Северский Донец свежие части.

К тому времени мы знали, что одна из немецких танковых групп наступала на город Харьков с севера, а вторая двигалась туда с юга. Мы начинали образовывать кольцо вокруг Харькова, не давая русским перебрасывать туда резервы.

Кольцо блокады вокруг Харькова сомкнулось к 15 мая 1942 года¹². На нашем участке фронта обстановка была очень спокойной, так как в румынском секторе, справа от нас, занимал позиции весь 525-й полк. Мы сориентировали свои позиции по отношению к румынам и занялись оборудованием массивных бункеров. Бункеры строились группами, согласно указаниям командира на этом участке обороны, который инспектировал проведение работ. Их размеры должны были быть 3 на 5 метров, глубиной 2 метра 80 сантиметров. Сверху укладывались железнодорожные рельсы, которые мы снимали с железнодорожных путей, проходящих через этот район. Рельсы укладывались крест-накрест поверх бункера, и оттуда могли вести

¹⁰ Очевидно, автор имеет в виду свою дивизию. Немцы к этому времени вынуждены были отступить во многих местах. 29 ноября их выбили из Ростова-на-Дону, а с 5 декабря началось контрнаступление Красной армии под Москвой.

¹¹ У Барвенкова немцы в январе 1942 года фронт не восстановили – он откатился на 35 километров к юго-востоку.

¹² Харьков в 1942 году оставался в руках у немцев. В ходе Харьковского сражения 12–29 мая 1942 года советские войска, наступавшие на город с северо-востока и юго-востока, подошли к Харькову на расстояние 25–35 километров, но в дальнейшем 23 мая были окружены в районе Барвенковского выступа.

огонь два человека. Пол также оборудовался из участков железнодорожных рельс, его толщина достигала 90 сантиметров.

Бункеры необходимо было хорошо маскировать, чтобы не дать противнику обнаружить их. Вход в бункер располагался в сторону, обратную линии фронта. Мы начали копать траншеи вручную с помощью железнодорожных кирок, но земля была такой твердой, что, затратив на работы много времени, мы сумели выковырять лишь несколько килограммов грунта. Мы работали долго и упорно, выполняя поставленную задачу, и эта тяжелая работа была практически безрезультатной, но мы не снижали темпа. Командир батальона метался взад-вперед вдоль окопов, где мы рыли землю, и напоминал нам то, чему учили каждого солдата на Восточном фронте: «Любое сопротивление можно сломить». Наконец нам удалось разработать новый метод. Мы рыли отверстия окружностью по 30 сантиметров. Потом брали по шесть ручных гранат, связывали их вместе и совали в отверстие. Потом мы брали детонационный шнур длиной 10 метров. Через три секунды шнур поджигали, заряды взрывались, и взрыв разрыхлял землю. Солдаты тут же не мешкая ныряли в грязь. Лопаты и кирки мелькали в воздухе, и траншея становилась глубже.

Метр за метром мы вгрызались в землю и строили наши укрепления. 19 мая 1942 года, после того как работы над бункерами были закончены, нас снова вернули на участок к румынам. Вместе с ними 20 мая мы начали наступление на Харьков. В пять утра мы начали готовиться к штурму, а румынская артиллерия сдерживала русскую пехоту. Она хорошо проявила себя во время русской кампании и заслужила наше уважение. В то же время пехота румынской армии оказалась абсолютно ни на что не годной. Каждый знает, что румыны представляют собой не более чем нацию цыган и ублюдков-ребятишек. Артиллерия вела огонь по городу в течение получаса. Примерно в 6:30 обстрел прекратился. Я высунулся из бункера, чтобы занять хорошую исходную позицию, и распластался по земле в ожидании сигнала к атаке. Когда сигнал прозвучал, я быстро вскочил на ноги и вместе с волной немецких и румынских солдат побежал через открытые поля в сторону города. Сначала мы кричали что-то, адресованное противнику, но после нескольких сотен метров бега обнаружили, что до города все еще остается почти 2 километра. Приближаясь, мы слышали, как пули, выпущенные обороняющимися в городе, свистят мимо наших ушей. По щекам хлестали осколки гранат. Но мы продолжали бежать через поля неудержимо и бесстрашно. Моя цель находилась в 4 километрах от центра города. Бег под вражеским огнем был долгим и опасным, но я вместе со своим батальоном добрался до города¹³. Я добежал до какого-то двухэтажного здания и нырнул в это укрытие, чтобы восстановить дыхание. Несколько моих товарищей последовали за мной. Посмотрев вниз, я обнаружил, что рукав моей левой руки у локтя намок от крови. Не обращая на это внимание, я приготовил оружие, посмотрел вокруг на солдат нашего батальона и отдал сигнал идти по улицам города дальше.

Бой продолжался примерно семь часов, после пушки нашего противника замолчали. Наши взяли верх, и город был захвачен.

Почти сразу же мы стали готовиться к отражению контратаки противника. Мы заняли оборонительные позиции в городе и стали ждать, но контратаки не последовало.

Это позволило нашим санитарам очистить поле боя от мертвых и раненых. Потери в моей роте были небольшими. У нас было 4 убитых и 11 раненых. При этом ранения 5 были тяжелыми, а у остальных 6 – более легкими. Двое из легко раненных остались в своих подразделениях.

Чуть позже в тот же день тишина была нарушена. Левее позиций 1-го батальона появился синий дымок. Это означало, что туда движутся атакующие танки. Первый батальон сместился на пару километров назад, в сторону прежней линии фронта и под углом к ней, чтобы исполь-

¹³ Повторимся, что Харьков в описываемое время был в руках у немцев.

звать ее как прикрытие и избежать дальнейших потерь в начавшемся бою. Командир нашего батальона был мудрым человеком. Сам он находился в передовых подразделениях. Он отдал приказ сохранять спокойствие и дать русским танкам вклиниться поглубже. Когда русские подошли в заданный район, румынская артиллерия открыла по наступающим машинам огонь. Мы видели, как пять из них сразу же окутались пламенем. Остальные развернулись и удрали. После этого какое-то время от русских ничего не было слышно.

На следующее утро 21 мая румынская кавалерия изготовилась к новой атаке. В 5 часов она выдвинулась со своих позиций и стала наступать на город Лозовая. Румыны собирались атаковать с юга, а мы должны были наступать с севера и взять город. Бой был стремительным. Примерно в 6 часов вечера 22 мая Лозовая уже во второй раз оказалась в руках немецких войск¹⁴.

¹⁴ Немцы заняли этот город совместно с румынами (6-м армейским корпусом).

Глава 2

В окопах под Петровским

В Лозовой мы сделали остановку. Нам наконец дали день отдыха.

На следующий день наше подразделение вышло из Лозовой и отправилось маршем по направлению к реке Северский Донец на Изюм. 27 мая 1942 года мы подошли к селу Петровскому, которое все еще удерживалось русскими. Они упорно обороняли свои позиции, но кольцо, в которое мы взяли село, тесно сомкнулось вокруг них. Мы делали все, что могли, чтобы попасть в Петровское, но не могли сломать их оборону. Нам нужна была помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.